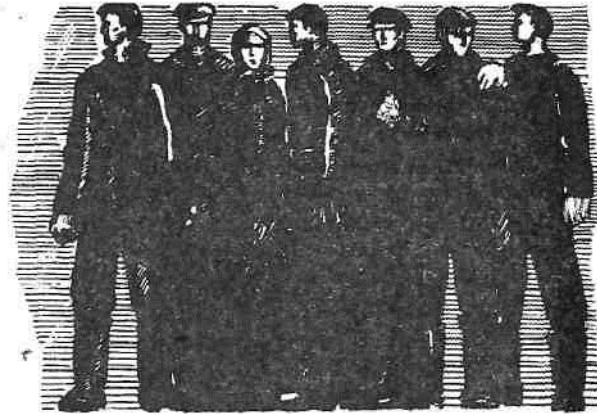

АЛЕКСАНДР КОРОТИН,
ИГОРЬ РОМАНОВ

ПРИГОВОР

Драма в двух действиях с прологом, шести картинах, в основу которой положены подлинные события, документы и фамилии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Максим Акулов	}	гимназисты.
Валентин Бородаевский		
Маргарита Косенко		
Валериан Петров		
Михаил Радолицкий		
Борис Шеболдаев		
Иван Васильевич Бочагов	}	солдаты 112-го запасного пехотного батальона.
Михаил Сысоев		
Кондрат Бондарь		
Брун — жандармский подполковник.		
Зулычев — директор гимназии.		
Яковлевский — прапорщик.		
Агент «Испытанный».		

Председательствующий суда, рабочие, солдаты,
гимназисты, жандармы, разносчики газет.

Действие происходит в губернском городе в 1913—1915 годах.

При закрытом занавесе на фоне «Рабочей Марсельезы»

Голос.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, недолгожив,
Недокурив последней папиросы.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что всей планете делаю погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

Открывается занавес. Слабо освещены лица подсудимых.

Председательствующий суда (*он — спиной к залу*). По указу его императорского величества приговором особого присутствия судебной палаты с участием сословных представителей сын надворного советника Валериан Яковлевич Петров, девятнадцать лет, и сын инженера-технолога Валентин Евгеньевич Бородаевский, семнадцать лет, признаны виновными в том, что по предварительному между собой согласию занимались противоправительственной деятельностью. В том числе — подбрасывали в казармы

седьмой роты 112-го запасного пехотного батальона прокламации, содержащие в себе призыв к учинению бунтовщических действий и ниспровержению существующего в Российском государстве общественного строя.

Тем же приговором подсудимая, дочь мещанина, Варвара Николаевна Косенко, семнадцать лет, признана...»

Голос. Светлой памяти бойцов ленинской гвардии, одних из организаторов Советской власти на Ставрополье и Северном Кавказе: Максима Акулова, Валентина Бородаевского, Варвары Косенко, Валериана Петрова, Михаила Радолицкого, Ивана Бочагова, Бориса Шеболдаева, их отважной юности — ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ КАРТИНА ПЕРВАЯ

Парк. Прогуливающиеся. Среди них солдат Кондрат Бондарь. Смотрит вслед даме.

Бондарь. Эх-ма! О то ж нафуфыренная. Одной юбки усему взводу на портянки хвате. А ежели б Пелагее моей сарафаны?— до гроба хватыло. Во живуть!.. Тю ж, зараза яка — опять сморило на рассуждения. Усе Сысоев то, злыдень... Зацвело... Эх-ма, весна ныне благодатная. Земля парует. Сеять пора... Шо ж там баба моя? Как одна-то с хозяйством?.. *(Появляется прапорщик Рыковский).*

Рыковский. Какой части?

Бондарь. Седьмой роты сто двенадцатого запасного пехотного батальона, ваше благородие!

Рыковский. Вот как... Фамилия?

Бондарь. Бондарь, ваше благородие! Кондрат, сын Иванов.

Рыковский. Ну-ну. А кто командир твой, знаешь?

Бондарь. Господин прапорщик Рыковский... Вы, ваше благородие!

Рыковский. Что ж, сын Иванов, прогуливаешься?..

Бондарь. Так точно, ваше благородие... Сеять пора подступила.

Рыковский. Сеять?.. Солдат должен помышлять о службе. О высоком долге перед государем и Отечеством... Впрочем, я тебя понимаю: хлеб наш насущный даждь нам днесь... Я всегда понимал своих солдат, крестьян своих. Да, вспоминаю: степь за Окой. Солнце в реку садится. Поют бабы — слажено так, снопы вяжут, легко — самому взять в руки серп охота. В седло вскочишь, да и прочь подашься — куда глаза глядят... Хорошо!.. А хозяйство-то у тебя большое?

Бондарь. Та какое ж оно большое? Две коровенки, три телка... Пашни полторы десятины... Емелька-работник... А я дык и сам не сплю и ни бабе, ни Емельке дрыхнуть не позволяю... Мне бы на пасху домой, ваше благородие.

Рыковский. Похвально, похвально. Ценю в людях трудолюбие, если они еще и не глупы, как ты, сын Иванов.

Бондарь. Оно, може, и так, дык ясности в голове что-то нынче не имею. Кругом рассуждать усе кинулись, и я туды ж. Брешут, будто большаки усю землю та усю животину сулять поровну раструсить, свободу сулять мужику даровать... Эт чиво ж, ваше благородие, получается: свобода, а землю свою напополам, животину, получается, то ж с Емелькой беспортошным напополам?

Рыковский. Ну-ну, от кого ж тебе всю эту галиматью слышать довелось?

Бондарь. Та то ж солдаты брехали. У казарме. Сон когда нейдет, лежу и слушаю — шушукаются. Аж на душе муторно становится... И рассуждаю вот тож. А кто шушукается, не углядишь — темень кругом.

Рыковский. Значит, говоришь, не разглядел? А еще что слышал?

Бондарь. Эт и усе, далее сон сморил.

Рыковский. Эх, ты, солдат! Негодяи у тебя под носом крамолу разводят, а ты молчишь? Вот это уже непохвально.

Бондарь. Дык размышляю я, ваше благородие.

Рыковский. Ну-ну... Говоришь, домой бы тебе на пасху?.. Обратись-ка ты с этой просьбой ко мне завтра. Да в следующий раз постарайся не спать, сын Иванов, когда шептуну сойдутся. Надеюсь, ты меня понял?

Бондарь. Так точно, ваше благородие! Слушаюсь, ваше благородие!

Рыковский. Вот и превосходно!.. Ну-ну, ступай, развлекайся.

Расходятся. Появляется Максим Акулов. В руках у него гитара. С ним Варя Косенко. Идут к беседке.

Косенко. Макс, прислушайся, красивая мелодия. Правда?

Акулов. Почти как ты, но ей до тебя еще нужно дотянуться.

Косенко (*останавливаясь*). О-о! Комплимент!.. А знаешь, хоть ты, негодный, и горазд врать, а все-таки приятно. И тепло. А то мы бог весть какие всегда педанты... Макс? Ты меня не осуждаешь?

Акулов. За что, Варюш? Наоборот, это хорошо, что мы привыкаем говорить откровенно. Мне тоже после твоих слов просторней в мире стало, даже несмотря на то, что я «негодный» (*Перебирает струны, подстраиваясь под звук мелодии*). Да, красивая мелодия. Это, Варюш, великолепно придумано: музыка, поэзия, искусство...

Косенко. К сожалению, не всем дано право ими наслаждаться... Но не будем сейчас об этом. Сейчас мне хочется... Помнишь, каток? Идет снег. Медленный. Пушистый.

Акулов. И ты на скамейке — Снегурочка... Откуда у меня смелость нашлась, пригласить тебя на вальс?

Косенко. Я просто растерялась оттого, что ты сказал это басом — сам такой худой... И ведь у меня не было с собой коньков.

Акулов. Это, Варюш, даже к лучшему — без коньков. Не то бы тебя кто-то другой раньше меня пригласил. И теперь не было бы ни о пушистом снеге, ни о Снегурочке стихов, которые я тогда тебе прочитал ни с того ни с сего.

Косенко. Макс, да ведь ты напутал! Стихи ты читал как раз перед этим, только не мне одной, а целому залу — на вечере поэзии. Тогда я тебя впервые и увидела... Стихи я запомнила, печальные:

Ах! Судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен, и пригож становлюсь...

Акулов (*в тон*).

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

А что, Варюш, может, вольемся в общество танцующих?

Косенко. Я так устала. Дома все на мне. Приболела мама. Надо обед приготовить, братишек обстирать... Да завтра еще сочинение по Лермонтову...

На аллее появляется жандармский подполковник Брун и директор мужской гимназии Булычев.

Брун. Местное общество, с которым вам еще предстоит познакомиться ближе, весьма однолико. Но, тем не менее, есть и такие, кто представляет несомненный интерес в интеллектуальном смысле. Губернатор, например, Бронислав Мстиславович Янушевич.

Хлебосольный к тому же человек. Прапорщик Рыковский. Правда, чуточку либерал. Это нынче в моде.

Булычев. Офицер и либерал?

Брун. Это, любезнейший Александр Михайлович, я бы сказал, ни больше ни меньше, как остатки детских забав. Атавизм.

Булычев. Все-таки простите, Николай Андреевич, либерализм даже в малых дозах вреден для властвующих лиц. Я сторонник самых строгих, радикальных мер. Именно либерализм, попустительство моего предшественника Виноградова явились благодатной почвой для произрастания в гимназии духа вольнодумства, свободомыслия...

Брун. Совершенно с вами согласен, любезнейший Александр Михайлович. И ваша миссия духовного наставника молодежи будет весьма тяжела. Но пора, ох, как пора разрушить и изгнать из гимназии навсегда разночинские традиции. Достаточно с нас и того, что из ее стен некогда вышли противники существующего правопорядка: Хетагуров, Лопатин, Бруснев, Фроленко... Список их достаточно велик.

Булычев. Министр просил меня не стесняться в выборе воспитательных мер. И я не остановлюсь ни перед чем...

Голос отдаляется. Пересекая аллею, проходят Петров, Бородаевский, Радолицкий, Шеболдаев.

Брун. А вот они, ваши питомцы. Беспечны, веселы. Молодость! И как противоестественно сочетание этого светлого с неблагопристойностью, с презрением к чиновничеству, кощунственными рассуждениями.

Бородаевский. Трогательное содружество двух антиподов! Если бы мне предложили сочинить эмблему, которая символизировала состояние искусства, просвещения и политики, я порекомендовал бы изобразить лиру со скрещенными на ней пером и плетью.

Петров. Бездарным верноподданным во все времена оставалось быть или подхалимами, удел которых — пресмыкательство, интриги, раболепие, или же солдафонами, по убеждению которых кулак и окрик — самое верное средство воздействия. Наш Булычев не является исключением из подобного правила.

Бородаевский. По-моему, он особо неравнодушен к Пампуше Шеболдаеву. Пампуша, как-никак, мезами, француз — жил некогда с мамой в Сорбонне. Не пропитана ли теперь эта «хрупкая» личность до последней извилины духом бунтарского вольтерьянства?

Петров. Между прочим, это для господина Булычева, как и для его духовного спутника — жандармского подполковника, вопрос вопросов.

Шеболдаев. Пусть хоть по этому поводу пошевелят мозгами. Наш директор настолько туп, что мне всегда хочется делать наоборот все, что он от меня требует. Вчера вместо родословной Бурбонов, я ему раскрыл мотивы и характер Французской революции. За что тот, стало быть, и влил мне двойку.

Радолицкий. Удивляюсь, как ты не вспомнил, что сказал Маркс о Парижской коммуне? И не запел на французском прононсе «Марсельезу»!

Бородаевский. Он просто побоялся, что, услышав его хрип, на улицах начнут ржать лошади.

Петров. Я думаю, Борис, что твоя выходка — мальчишество. Не больше.

Бородаевский. Нет, до чего же приятно вместо вас, мудрейший стоик Петров, заодно с очкастым Пампушей видеть нашего Пупсика и ее искусителя!

Шеболдаев. Тебе, Цыган, не кажется, что сейчас им — третий лишний?

Бородаевский. Если третий — ты, возможно.

Радолицкий (*подходя к беседке*). О чем вам здесь шепчут листья, и вы друг другу о чем?

Бородаевский. Тем более, что со времен Адама и Евы, столько уже было сказано

друг другу уединенными в беседках особами.

Косенко. Цыган не может без циничного юмора. У, злюка!

Бородаевский. Пупсик-Пупсик, если бы дело было только в этом (*В его голосе грусть, он пристально смотрит на Варю*).

Косенко. В чем же еще?.. Заело любопытство, о чем шепчемся? О «Де-мо-не»:

Печальный демон, дух изгнанья,

Летал над грешною землей...

Бородаевский. Если это о демоне, что сидит с тобой рядом, то не похоже. На его сократовском челе ни тени печали, а в глазах такой вдохновенный пламень, что он явно не чувствует себя изгнанником... Руку, Макс, счастливейший из людей!

Радолицкий. Цыган в ударе. Почти языком поэта-неудачника Акулова стал выражаться.

Бородаевский. Мишенька-а! Ты умный, воспитанный юноша, удачно меня дополняющий самодеятельным юмором, но ты ни черта не понимаешь, как приятно, когда видишь такие славные лица, еще далекие от мира сего.

Косенко. Завтра у меня сочинение по «Демону». И мы с Максом пытаемся выяснить отношение Лермонтова к своему детищу.

Петров. Поэзия Лермонтова — точное отражение его духа. Она мятежна до самозабвения — это тебе, Варя, главное нужно завтра помнить. Он весь — борьба.

Бородаевский. Умница! Ты подтвердил то, что ранее опровергал: именно — смысл жизни в борьбе, в действии. А мы, здоровые, сильные, ненавидящие зло, бесчинство, чахнем над книжками и зубрим дурацкую латынь.

Петров. Не горячись, Валентин. Мы еще понадобится революции.

Бородаевский. Когда, мудрейший?

Петров. Пока этого, Валя, я не знаю, но непременно понадобится. И, думаю, скоро.

Шеболдаев. А вот у Пушкина...

Радолицкий. А вот у Эврипида... Не надо, Пампуша. Урок словесности тебя ожидает завтра. А сейчас бы... Вечер какой! Макс, ты же что-то там бормотал, будто цыган к твоим словам мелодию подобрал?

Акулов. Не бормотал, а действительно что-то смудрили. (*Берет аккорд*).

Сколько верст, сколько верст меж нами,

Как далек расставанья срок.

Но тянусь я к тебе руками

Молчаливых и горьких строк.

На аллее показался солдат Иван Васильевич Бочагов, он сталкивается с неожиданно вывернувшимся из-за угла прапорщиком Рыковский.

Бочагов. Виноват, ваше благородие.

Рыковский. Скоти-ина!! (*Бьет солдата.*) Ослеп, осел?

Бочагов. За что ж вы так, ваше благородие? Нечаянно я...

Рыковский. Р-разговаривать, болван! (*Бородаевский стремительно срывается с места.*)

Бородаевский. Вот, кажется, и настало время действовать! (*Подбегает к прапорицу, цепко хватая его руку.*)

Радолицкий. Цыган!

Бородаевский. Если господин офицер никогда не видел настоящую скотину, рекомендую ему посмотретья дома в зеркало.

Петров. Стыдно, господин прапорщик! Стыдно и мерзко бить безответного! Ведь это вы спьяну налетели на солдата.

Рыковский. Что-о?

Шеболдаев (*надвигаясь*). Вам не в Париже ли привили правила хорошего тона,

господин солдафон?

Рыковский (*пятась*). Ну-ну, господа гимназисты... Вы еще пожалеете! Я не прощаю оскорблений. (*Исчезает*).

Акулов (*вслед*). Пожилого человека... В таком месте, где все для любви и неги — цветы, музыка... Негодяй!

Косенко. Это жизнь, дорогой Макс.

Бочагов. Зря, хлопцы, вмешались. У этого паразита большие связи. Он и в самом деле вам не простит... А я солдат. Мне, не привыкать.

Акулов. Вот это никуда не годится.

Косенко. А ведь труслив командир ваш. Если все вместе на него прикрикните, наверное, у него отпадет охота зверствовать?

Бочагов. Я вас понимаю, хлопцы. Молодые, горячие. И службу солдатскую знаете только по написанному.

Бородаевский. Слава всевышнему, что такой предмет не ввели в нашей гимназии.

Бочагов. Это верно, зато по всей Руси-матушке такой предмет простолюдины изучают. И зуботычинами их к смирению приучают, и виселицами, и словом поганым честных людей гробят. А черное слово, бывает, побольнее затрещины. Так что, не известно еще, что хуже: слово или кулак. И тем и другим наповал сшибить человека можно.

Петров. Но ведь были армии Спартака, Суворова, Кутузова.

Бочагов. Что ж, были... Сами — ни Суворов, ни Кутузов и впрямь над солдатом не глумились. Только вот... Да взять нашего батальонного. Он с рядовым на «вы». А мы-то знаем, что, почитай, каждый божий день в карцере унтер до полусмерти кого-то избивает. Его батальонный специально для такого дела при себе держит.

Косенко. И вы побывали в карцере?

Бочагов. Пока, доченька, бог миловал. Но завтра уж не миновать... Да вы поймите, хлопцы, не жалеть солдата нужно. Ему помощь требуется. Темнота его душит. А кто глаза на правду вчерашнему мужику-крестьянину откроет? Вам об этом задуматься надо, коль уж вы за справедливость стоите.

Шеболдаев. Стало быть, такая штука, поглубже заглянуть в душу солдатскую?

Петров. Расшевелить и обострить классовое сознание, добиться политического прозрения людей в серых шинелях?

Бочагов. Правильно толкуете, хлопцы.

Бородаевский. И сколько потребуется времени для такого расшевеления и обострения сознания?

Косенко. Разве просвещение людей — не настоящее дело?

Бородаевский. Слабый пол, конечно, устраивает роль няньки-воспитательницы. Мне же это никак не подходит. Я драться хочу!

Косенко. Грубый, невоспитанный мужлан, как ты разговариваешь с женщиной?

Бородаевский. С девочкой, Пупсик, с девочкой. Ну, почему мы только разводим руками перед гирей, которую не пробовали поднять?

Петров. Валентин, возьми себя в руки. Остынь умом и подумай: что — ты, я, Варя, Борис, Михаил — каждый в отдельности, что может сделать? Подняться, на кафедральный собор и оттуда призвать горожан к свержению деспотизма? Или устои его поколеблются от того, что мы уничтожим десяток прохвостов? А вот, если разбудить массы и вооружить их идеей,— это совершенно другое.

Акулов. Да, друзья дорогие, даже моя гитара не зазвучит музыкой, если ее струны не настроены.

Радолицкий. Цыган тоже по-своему прав. Нам создатель по скупости своей по одной жизни всего лишь подарил и, главное, весьма коротких. Можем и не успеть.

Бочагов. Ладно, ладно... Давайте митинг закроем и перенесем разговор... Кто-нибудь сторожку на железнодорожной станции знает?

Бородаевский. Приходилось бывать. Там немец Рауцеп — большой любитель

цветов.

Бочагов. Вот-вот. Загляните как-нибудь вечерком к нему «невзначай». Привет от Бочагова передайте. А там и я подспею. Чайку попьем. Потолкуем. Рауцеп — человек душевный.

Петров. Это вы хорошо придумали. Мы непременно придем!

Бочагов. Ну, и добре. А сейчас, хлопцы, быстренько расходимся. Тип тут один объявился. Ишь, как тянет носом. Не иначе — ищейка...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гимназия. Кабинет Булычева. Видна часть коридора. Спиной к зрителю — гимназист. Директор просматривает тетрадь.

Булычев. ...и вы еще смеее, ничтоже сумняшеся, утверждать, будто госпожа Полежаева на незаконном основании поставила вам по французскому двойку. Да у вас, господин Бродский, что ни слово, то завуалированная издевка над принципами нашего общественного устройства!.. Этакое убожество мыслей! Однако, при всем при этом, вы требуете справедливости? Вас оскорбил тон преподавателя?.. Грубость?.. Но вы упорствуете в своих весьма неблагонамеренных взглядах! Мне, как директору вверенной мне гимназии, отчетливо ясно: наука не для вас. Идите торговать. Или займитесь тем, на что вы способны, если вообще на что-нибудь способны. Нам недосуг вникать в сложности ваших душевных метаний, возвышенных устремлений. Обязанность гимназиста — прилежание и послушание.

Все, господин Бродский, я не намерен больше тратить на вас свое драгоценное время.

Ступайте, господин Бродский, ступайте... Я сказал убирайтесь из кабинета! (*Видя, что тот продолжает стоять с опущенной головой, орет*). Вон! Олух царя небесного!! (*Бродский медленно идет*).

В кабинет Булычева входит прапорщик Рыковский.

Рыковский. Позвольте?.. Прапорщик Рыковский.

Булычев. Действительный статский советник Булычев. Весьма рад встрече! Наслышан о вас от господина Бруна.

Рыковский. Да, мы с Николаем Андреевичем любим провести часок-другой в беседах. Все больше о темах нравственности, человеческих взаимоотношениях.

Булычев. О, темы эти во все времена первостепенны. Особенно в нынешние годы: брожение умов юного поколения столь велико, что внушает тревогу за будущее нашей великой державы. Всевозможные демократические побрякушки, основанные на западных примерах, столь пагубно подействовали на молодежь, что трудно и удивляться возникновению преступных социал-демократических тенденций, свободомыслию в ее среде.

Рыковский. Кстати, господин Булычев, как это не огорчительно, мой визит к вам связан с подобного рода нежелательными тенденциями в среде ваших воспитанников. Не далее, как вчера, группа гимназистов оскорбила меня, офицера, в присутствии моего солдата! Как раз тогда мне и довелось не только услышать, но чуть ли не испытать на себе физически их отношение к армии и государству.

Булычев. Вы знаете этих гимназистов?

Рыковский. Стычка произошла в вечерние часы, в парке... Да! С ними была еще прехорошенькая гимназисточка.

Булычев. О, это уж, извините, не по моей части. Причем, должен вам сообщить, что во вверенной мне гимназии учится свыше пятисот человек. Процедура фронтального узнавания, сами понимаете, невозможна. У нас не казармы... О чем я втайне сожалею... Может быть, вы запомнили имена, фамилии?

Рыковский. Назван был лишь один из них «Цыганом».

Булычев. Но это же, конечно, кличка!.. Н-да. Маловато сведений. А я бы с удовольствием раскрыл эту банду шалопаев. Но, господин прапорщик, я вам твердо обещаю вплотную заняться инцидентом и выявить преступников.

Рыковский. Благодарю вас. Еще раз крайне сожалею, что доставил несколько неприятных минут. *(Рыковский направляется к двери и сталкивается с Радолицким).*

Радолицкий *(возбужденно)*. Господин директор! Бродский покинул класс!.. Совершенно подавленным!.. С ним может произойти несчастье. Просим отпустить нас с занятий на розыски Виктора.

Булычев. Чувственность вашего Бродского меня не волнует. И я к тому же уверен, что с такими типами ничего до естественной смерти не случится.

Рыковский. А вы, господин гимназист, не припоминаете, при каких обстоятельствах мы познакомились?

Радолицкий. Господин директор, от имени всего класса я настоятельно прошу вас...

Булычев. Да убирайтесь вы со своим кретином Бродским!.. *(Звонит телефон)*. Действительный статский советник... Ах, это вы, Николай Андреевич? Весьма рад... Что?! Бродский? Из наших...

Рыковский. Так я вам напомним, господин гимназист...

Радолицкий. *(Он прислушивается к телефонному разговору)*. Катитесь отсюда! Я в первый раз вижу вашу физиономию, но во второй раз хочется двинуть по ней вот так! *(Тот в испуге отскакивает)*.

Булычев. Гимназист Бродский? Час назад он был у меня... Самоубийство?! Под почтовый поезд?.. А что в записке?.. *(Повторяет в трубку)*. «В смерти моей прошу никого не винить. Моя душа стремится вдаль... и ввысь... А на земле все так близко... и так низко...» Невероятно!.. Уже известно самому губернатору?!

Радолицкий *(идет к двери)*. Виктор, дружище наш... Витька!.. Зачем же ты так?..

Рыковский. Господин директор!

Булычев. Прошу вас, идите. В другой раз... Мне надлежит побыть одному *(Рыковский ретируется)*... Известно самому губернатору! Невероятно!.. Такое ничтожество, а из-за него теперь...

В коридоре показывается группа гимназистов. Среди них Акулов, Петров, Бородаевский, Радолицкий, Шеболдаев. Нарастает тревожный звук.

Голоса. К самому директору!..

В дверях кабинета появляется Булычев.

Булычев. Что за митинг в учебное время?.. Только не орите все разом... Кто первый?

Петров. Мы пришли, чтобы просить вас предоставить гимназистам возможность проводить в последний путь Виктора Бродского.

Акулов. И чтобы похороны состоялись с гимназическим духовым оркестром.

Бородаевский. Мы также единогласно не будем возражать, если из этих стен вылетит цербер в юбке, мадам Полежаева.

Радолицкий. Нам неуютно быть в одном здании со скалозубами от просвещения.

Булычев *(с издевательской снисходительностью выслушав каждого)*. Вот как, значит, требуете? Позвольте *(повышает голос)*, во вверенной мне гимназии требую только я! А вы можете требовать леденцы в кондитерской лавке. Приказываю, немедленно отправиться на занятия!

Петров. И все-таки мы настоятельно требуем!

Булычев. Ультиматум?! Бунт?!.. Вон из гимназии, мер... *(Звучит выстрел)*.

Булычев, схватившись за плечо, медленно оседает. Сцена затемняется).

На авансцене Радолицкий, Бородаевский.

Бородаевский. Выше нос, Миха! Исключение из гимназии — не одно и то же, что исключение из жизни. Каждый час и нам грозит то же самое. Полуподлец-полуневежда Булычев закусил удила...

Представляю, как таковое явление воспримут мои благовоспитанные монархисты. Отец прочтет трехтомную мораль. Матушка оставит весь город без валериановых капель.

Радолицкий. А мои только молчат. Это хуже... Отца жаль. Совсем подавлен. Он ведь столько для меня сделал... Я ему сказал: не хорони мое образование раньше времени. Учеба мне дается легко. Подготовлюсь и сдам экзамены за выпускной класс экстерном. Кровь из носу, а своего добьюсь!

И потом — в Питер. Да будет так и не иначе!

Бородаевский. Правильно, Миха! Знаешь, друже, главное в нашей жизни — уметь нос держать. Опустить его, он в землю зароется. Задохнешься. Поднимешь вверх — там вольный дух, свободой пахнет. Там солнце и бури... А ты, мятежный, ждешь ее, зовешь, рвешься навстречу... И она разразится, Миха!.. Я не хочу только ждать, терпеть. *(Появляется Акулов с гитарой в руках.)*

Акулов. В компанию примете?

Бородаевский. Тебя? С гитарой? Так это же само небо распорядилось... Давай, Макс, душещипательное что-нибудь, чтоб успокоение пришло.

Акулов. То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит... *(прижимает струны).* Этот выстрел не выходит у меня из головы. Ну, кто?!

Бородаевский. У меня из головы не выходит другое: ну, почему?! Почему только в руку легко ранил с пяти шагов?.. Ах, не у меня был этот «браунинг»! *(Подходит Варя Косенко).*

Косенко. Так ничего и не выяснилось?

Акулов. Пока, Варюш, ничего.

Косенко. У нас в гимназии переполох. Чего только не понапридумывали: организацию раскрыли, бомбу нашли...

Бородаевский. Ты им, Пупсик, скажи: бомба — чепуха. У меня полевое орудие под столом обнаружили, а у Радолкцкого Брун из портфеля броненосец, что под Цусимой затонул, вытащил... *(Подходит запыхавшийся Шеболдаев).*

Шеболдаев. Стало быть, такая штука... Стрелял Бредихин... Веня Бредихин! Вы что-нибудь понимаете?

Радолицкий. Пока не больше того, что ты не перевел дух.

Шеболдаев. Вениамин где-то сумел купить этот проклятый «браунинг». Ну, кто бы мог подумать? Вида зарезанного цыпленка не выносил. И вдруг выстрел!.. Ну, и, стало быть, такая штука, встретил на улице прокурора и признался.

Косенко. Ребята, вам не кажется, что он просто принес себя в жертву, чтоб вас спасти?

Акулов. А верно! Десятки подозрительных вылетели из гимназии в один день. Нашу компанию трясут, как моя мама трясет коврик перед воскресеньем. Он и решился на такой сумасшедший шаг.

Бородаевский. А посему, за Веню Бредихина, за товарищей, вышвырнутых не за здоров живешь из гимназии, в ответ на полицейский террор предлагаю устроить обструкцию. Все возбуждены, обязательно нас поддержат.

Радолицкий. Даешь обструкцию! Химическую! И воззвание к гимназистам — о цели обструкции.

Шеболдаев. Стало быть, такая штука, я — за!

Акулов. Поддерживаю!

Косенко. Надо бы посоветоваться с Валерианом.

Радолицкий. Мы сейчас и направим к нему стопы...

Уходят. Кабинет Булычева и часть коридора гимназии. Брун и Булычев с рукой на перевязи.

Булычев. Можно ли было подумать, что в этом тихоне Бредихине столько необузданной, холодной злобы. Успевал выше среднего, дисциплинирован, вольными рассуждениями не отличался...

Брун. Да, но есть сведения, они очень дружили с самоубийцей Бродским... Предварительное следствие по делу Бредихина начато... Губернатора завалили запросами с мест. Боюсь, вам придется держать ответ перед самим министром, мне — перед своим начальством.

Булычев. Резонанс усилила газета. Выстрел Бредихина разрисовала в таких неопозволительных подробностях, что, право, нашим учителям не просто теперь показаться в городе.

Вчера я вынужден был освободить от преподавания госпожу Полежаеву.

Брун. И еще. Губернатор выразил свое крайнее неудовольствие по поводу того, что похороны самоубийцы Бродского прошли при большом стечении учащихся, молодежи и иже с ними. Плюс этот нелепый оркестр, который собрал толпы зевак. Явная демонстрация. Оставалось только запеть в колонне «Вы жертвою пали...», и налицо Петербург пятого года...

Ведь какие надежды возлагали на вас, Александр Михайлович!

Булычев. Помилуйте, Николай Андреевич, мое усердие на ниве просвещения, во вверенной мне гимназии...

Брун. Ваши заслуги в прошлом делают вам честь, нынешние — отнюдь не возвышают. К этому выводу пришел, между прочим, не я один....

Булычев. Учебное заведение — не казармы, о чем я уже сказал однажды господину Рйковскому.

Брун. Просто в вас говорит бессилие. Методы, методы, милейший Александр Михайлович, изобретать надо... Кстати, кто же те четверо, чьи рассуждения о свободе личности и меня заинтересовали?

Булычев. К сожалению, виновных найти не удалось.

В коридоре появляются гимназисты. Среди них Акулов, Петров, Шеболдаев, Радолицкий, Бородаевский.

Бородаевский. Итак, во имя отца и сукина сына, начнем. Быстро и бесшумно!

Обливают стены и пол коридора химическими препаратами, чернилами, разбрасывают листки. Кто-то приоткрывает дверь в кабинет, бросает листки туда, и все исчезают.

Булычев. Что это? Какие-то бумажки (*подбирает*).

Брун (*тоже поднимая*). «Прошлым постановлением педагогического совета десятки ни в чем неповинных товарищей наших очутились на улице. Некоторым педагогам мало было искупительной жертвы Виктора Бродского. Они ведут травлю тех, кто хочет самостоятельно мыслить, кто отстаивает свое человеческое достоинство... Тяжелая рука самодуров-начальников легла на нашу мирную семью...»

Булычев. «...Теперь долг каждого честного товарища восстать против несправедливости!..» И это после покушения на мою жизнь? Непостижимо!

Брун. Бредихин, если это, конечно, он стрелял, — один. Но его руку могли направлять десятки других. Вряд ли ваши мальчишки так умны и опыты, чтобы столько проступков явно политического характера сходило им с рук. Кто-то замешан еще!

Булычев. Я начну самую жесткую чистку зловонной скверны. И буду чистить до тех пор, если даже в ней останется один ученик! Смею уверить вас, Николай Андреевич...

Брун. Охотно принимаю ваши уверения, Александр Михайлович. Однако же,

полагаю, дела в гимназии приняли столь опасный оборот, что они становятся в компетенции жандармского управления... Срочно направляюсь для доклада к его превосходительству губернатору. Честь имею. *(Откланивается)*.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сторожка на ж.-д. станции. Скверик. На скамье Акулов, Радолицкий, Косенко. Сумерки. В окне огонек. Слышен проходящий поезд.

Косенко. Странно это. Вот прогромыхал поезд, захотелось туда, в даль, в неведомое. И кажется, не выходил бы из вагона до самой страны счастья.

Радолицкий. Увы, Варька, там за далью непогоды в буквальном смысле никакой волшебной страны счастья нет.

Акулов. Пока ее просто не открыли. Но мы обязаны туда доплыть и открыть ее!.. *(Поет)*. «Там за далью непогоды есть волшебная страна...»

Бородаевский *(подходя)*. Блажен, кто верует.

Косенко. Цыган даже здесь, в райском, саду, не удержал при себе дешевенькую остротку.

Бородаевский. Так я же это специально, Пупсик, начал с худшего, чтоб закончить чем-нибудь получше. Например, вот такой выдающейся розой.

Радолицкий. Ого! Дядюшка Рауцеп не переживет такой потери.

Бородаевский. Сгинь, циник! Неужели ты, жалкий сын своих родителей, мог заподозрить меня в том, что я буду дарить такой девушке розу, украденную у нашего друга? Я ее давно выследил в соседнем с нами доме.

Косенко. Спасибо, Цыган! Подставляй щечку — такой великолепный дар требует вознаграждения.

Бородаевский *(грустно)*. Нет, Пупсик, я дарю совершенно безвозмездно.

Косенко. Тогда еще раз спасибо, Валя!

Бородаевский. Это другое дело... Э! Что ж вы, други, приуныли? Дай, Акулов, от души!

Акулов.

Трудно нам, до чего же трудно!

Но тебе во сто раз трудней

Разделять одиночество будней,

Коротая тягучесть дней...

Бородаевский. Прислушайся, Пупсик, к здравому рассудку вышеупомянутой песни, и не уезжай от нас.

Косенко. Но, ребята, ведь только так можно узнать народ, его жизнь. Там, среди него, а не здесь по книжкам, пусть даже самым честным!

Акулов. Хождение в народ, Варюш, идея, между прочим, устаревшая. Она — малоперспективная, хотя, конечно, определенная польза в ней была.

Радолицкий. Варька, не губи молодую жизнь и энергию!

Косенко. А, были: Алексеев, Халтурин, Желябов, Перовская...

Бородаевский *(как бы продолжая список)*. Варвара Косенко... Ах, Пупсик-Пупсик, светлая у тебя голова, только память короткая. Забыла, как горько разочаровались в идее народничества «черно-передельцы» и даже знаменитый англичанин Роберт Оуэн?

Косенко. Значит, в них угасла вера!

Подходят Петров, Шеболдаев.

Шеболдаев. Стало быть, три отважных рыцаря в который раз пытаются спасти одну даму от ее же собственных убеждений?

Бородаевский. Ты помнишь, Пампуша, куда нужно идти, когда тебя посылают к

черту?

Шеболдаев. Безусловно! Стало быть, такая штука, пошли, Варенька, в эту избушку, где бурлят не страсти дискуссии о выеденном яйце, а бурлит в самоваре чай, и, наверное, что-нибудь отыщется лакомое.

Косенко. С удовольствием! Идем, милый Пампуша, пусть они тут хоть за чубы друг друга таскают.

Петров. Пойдите, разве Ивана Васильевича еще нет?

Радолицкий. Был. Посмотрел, тебя нет, и раскланялся.

Петров. Я серьезно спрашиваю.

Бородаевский. А кто же в этом сомневается? Да если бы тебя я хоть раз увидел несерьезным, я бы посчитал, что это мне снится.

Косенко. А вот и остальные. *(Появляются Бочагов и Михаил Сысоев).*

Бочагов. Здорово бывайте, хлопцы! Ну и крепкий дух от чая... Знакомьтесь. Миша Сысоев. Солдат из местных заводских рабочих,

Косенко. Вот вам, Иван Васильевич *(подает чашку чая)*. Может слишком крепкий?

Бочагов. Чай и нервы должны быть в соответствии — крепкими. На что уж наш унтер палач без жалости, и тот уважительный к крепким людям. Да... Потешился он над Иваном Бочаговым на гауптвахте, сукин сын!

Шеболдаев. Стало быть, прапорщик припомнил?

Бочагов. Припомнил. Но я тоже не из забывах. Придет время...

Косенко. Вас били?!

Сысоев. Та нет, просто батальонный унтер чуток поразмялся.

Петров. Часы истории отсчитывают время в нашу пользу. Настанет срок расплаты. И тогда мы призовем всю эту сволочь к самому суровому ответу!

Косенко. Очень больно бил?

Бочагов. Так он, дочка, по-другому не научен, не привык. Тычет кулаками, а сам рычит: «Это тебе, идиот, за то, чтоб начальство за десять верст наперед видел да знал, как родному командиру своему на лапы наступать!» А я ему: «Это господин прапорщик мне на сапог наступил». Унтер свое: «Получай пилюлю, выродок, за брехню». Я ему опять свое... Гляжу приустал палач, умаялся, бедолага. «Ну?— ярится.—Кто кому на лапу наступил, в последний раз спрашиваю?!» «Господин прапорщик Рыковский», — говорю. «Эх, и супостат же ты, Бочагов,— унтер мне. — Но правильно сделал, на своем стоял. Кулаков моих не забоялся. А то измордовал бы тебя до смерти, потому как обманул бы ты меня»...

Косенко. А потом?

Бочагов. Да вот отлежался, к вам в гости пришел.

Бородаевский. Эх, Иван Васильевич, поднесли бы вы своим солдатским полупудовым одну блямбу этому унтеру!..

Сысоев. Тогда бы мы сейчас пили чай за упокой палача.

Бочагов. Пожалуй, верно. Только и мне бы тут не сидеть... В Ростове, где я в кружке социал-демократов тайно состоял, нас обучали, как наповал бить. Английская, кажись, это выдумка. Кое-что я усвоил. Можно и вас поднатаскать — пригодится.

Петров. А что, товарищи, дельное предложение. Революционер должен уметь постоять за себя в трудный момент.

Акулов. Я принимаю безоговорочно, поскольку не имею понятия, что такое драка.

Бородаевский. В тебя, сухопарого, и попасть трудно. А вот Пампуша — мишень солидная. Ему, край, необходимо поднатореть в практике кулачного боя.

Бочагов. Добре. Только, хлопцы, будет иногда и больно.

Косенко. Мужчины они или не мужчины?

Бородаевский. Женская логика! Попробуй теперь кто-нибудь захныкать. Захнычет, будем лупить, пока заплачет, а заплачет — продолжим избивание, покуда не захохочет. А там уже до психлечебницы один шаг останется...

Ну ж, потешу я на некоторых унтерах пришибеевых кулаки!

Бочагов. Таких бить — мало. Стрелять!

Бородаевский. Верно, Иван Васильевич! Действовать нужно! Решительно, смело! Тогда эхо борьбы услышат многие и пробудятся ото сна!

Бочагов. Видишь ли, сынок, выстрел вашего Бредихина услышали и в округе, и солдаты в казармах. Зароптали: «Нам-де жить не вмоготу и юнцам, видать, нелегко, ежели в начальство свое из пистолетов палят...»

Да только последствия-то какие вышли?

Сысоев. Я был у ребятишек своих на заводе. Там тоже пересуды идут. Но это и все.

Бородаевский. Неважно. Главное, люди почувствовали, что есть нежелающие жить в покорном рабстве, что идет война!

Петров. Нет уж, уволь, Валентин. В корне с тобой не согласен! Нашуметь — это еще не значит достичь. Террор — путь одиночек, Нужно учиться революционной теорией самим и этому же учить других,

Шеболдаев. Тебе, Цыган, чуть раньше следовало родиться, чтоб попасть на бесславную виселицу за компанию с теми, кто удачно или неудачно Покушался на жизнь государей.

Косенко. Но это уж слишком — на виселицу... Хотя я тоже за благоразумие. За продуманные действия.

Бородаевский. Спасибо, Пупсик, из петли вынула.

Бочагов (*Сысоеву*). Ишь, какие горячие головы.

Акулов. И до чего же мы договорились? Чай крепок, печенье Варюхино вкусное, обстановка благоприятная, а разговор звучит, как ненастроенная гитара. Где выход?

Петров. Выход один, товарищи,— создать кружок. Социал-демократический. Тогда мы сможем пополнить запас знаний по общественным вопросам образованию вообще, а также подготовить себя к борьбе с источником всех зол — правительственным режимом.

Бочагов. Вот это, хлопцы, уже серьезно.

Сысоев. Хорошо бы и наших ребятишек с завода туда.

Акулов. А почему бы и нет?

Косенко. Очень все правильно. Только и о чае не забудьте. Остывает. А я старалась.

Сысоев. И то верно. А ну, нацеди мне с верхом.

Бочагов. Ну, и добре. Договорились. А для начала — вот вам книжонка. Пообтрепалась — через много рук прошла. Вещица редкая. Да. В ней и про вас говорено — про ваши сомнения, мысли, метания. Она и называется по-простому: «Что делать?».

Шеболдаев. Надо полагать, стало быть, Чернышевский?

Сысоев. Эх, хватил! Чернышевского кто же так прятать будет, как мы эту брошюрку?

Бочагов. Ильич ее сочинил. Слыхали? Владимир Ильич Ульянов.

Акулов. Вот оно что!

Петров. Ленин?... Нет, книг мы его еще в руках не держали.

Шеболдаев. Стало быть, можно считать, что кружок создан?

Бочагов. А чего ж? Будем считать!.. (*Петрову*). Возьми сынок. На внешность внимания не обращай — маскировка. Ты здесь за старшего. Береги.

Радолицкий. «Жизнь и приключения Жиль Бласа». Недурственно для начала.

Петров. Спасибо, Иван Васильевич! Большое спасибо! Это нам хорошая помощь в работе. И сохраним книгу в полнейшей целости.

Косенко. Что ж, все пожалуй?

Бородаевский. Да, пожалуй... Уют здесь, А дядюшка Рауцеп где-то на полотне сейчас...

Косенко. Скоро уже он вернется.

Бородаевский. И все ж — какое блаженство в этом домике. Настроение нагоняет такое, когда «не поймешь, чего тебе хочется — не то революций, не то севрюжины с хреном», как сказал бы Салтыков-Щедрин.

Косенко. А может, все-таки споем тихонько нашу, боевую, чтоб расшевелиться?

Бородаевский. Вынужден уступить даме. Макс, ударь по вещим струнам!

Акулов. «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...»
(*Затемнение*).

На авансцене Кондрат Бондарь и прапорщик Рыковский. Идут навстречу друг другу. Рыковский навеселе.

Рыковский (*напевая*). Вот угаснет камин и не будет огней... (*замечает Бондаря*).
Какой части?

Бондарь. Седьмой роты сто двенад...

Рыковский. А, это ты, милоч... Как тебя там?

Бондарь. Бондарь Кондрат, сын Иванов, ваше благородие.

Рыковский. Помню, помню. Я всех своих солдат помню — назубок! Ну-ну...

(*Орет*). П-почему не докладываешь, что отсидел на гауптвахте?

Бондарь. Никак нет, ваше благородие, не сидел я.

Рыковский. П-почему?... Непослушание?! Под суд захотел?

Бондарь. Так не было того, шоб на губу меня, ваше благородие...

Рыковский. Ах, не было, так будет. Какой ты солдат, если не сидел. Пять суток!

Бондарь. Вот те крест, ваше благородие, не заслужил я.

Рыковский. Ну-ну, пять не заслужил? Мало, значит? Правильно, восемь суток!

Бондарь. Та за шо ж, эт, ваше благородие? С Михаловки я день в день воротился.

Рыковский. Из Михайловки? Дезертир?!

Бондарь. Та вы ж сами отпустили. На пасху.

Рыковский. Ну-ну... А, так это ты. Я все и всех помню. Как тебя там?

Бондарь. Бондарь...

Рыковский. А-а, сукин сын Иванов... У тебя там все шепчутся?

Бондарь. Так точно, ваше благородие. Кликнул я нонче: кто такие? А воны прижукли.

Рыковский. Болван!

Бондарь. Пелагея, ваше благородие, совсем занедюжила...

Рыковский. Идиот! Тебе проследить за шептунами приказ был, а ты?... Десять суток!

Бондарь. Ваше благо...

Рыковский. Кру-у-угом! Шагом арш!.. (*уходят*).

Появляются Бородаевский, Радолицкий — он несет что-то в мешке.

Радолицкий. Фу, ну и тяжел, бестия!

Бородаевский. Теперь тебе зато легко представить, как я выволакивал этот гектограф из нашей гимназии.

Радолицкий. Как он там очутился?

Бородаевский. Господин цербер-Булычев приобрел. Приказы и всякую дребедень готовился размножать. Но, я думаю, достаточно ему и печатной машинки. Как ты считаешь, история простит мне, честному человеку, такую крупную, причем первую в жизни кражу?

Радолицкий. Во-первых, формулировка груба — кража! Конфискация в пользу грядущей революции. Во-вторых, история занесет твое имя на свои скрижали, если ты немного пронесешь мешок, пока я отдышусь.

Бородаевский. Давай, хрупкое создание, ради истории чего не вытерпишь. Тем более, что сторожка недалеко. (*Уходят*).

Зима. Сторожка, засыпанная снегом. В сторожке Акулов, Косенко, Петров—он листает брошюру.

Петров. Варя, прибавь, пожалуйста, пламя... Вот как раз это место. С того раза еще запомнил. (Зачитывает.) «Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения... А так как это угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности... то не очевидно ли...».

Акулов. Сейчас для рабочего уже не открытие — кто его классовый враг. Помните, как говорил на занятии кружка Михаил Сысоев? Это — профессиональный агитатор. Горячий, убежденный.

Косенко. Михаил превосходно изложил свои мысли. Такое и запоминается, и убеждает надолго.

Петров. Вот тут самое главное, квинтэссенция: «...то не очевидно ли, что мы не исполним своей задачи развивать политическое сознание рабочих, если мы не возьмем на себя организацию всестороннего политического обличения самодержавия?».

Косенко. Долго же возьмется с гектографом наши рыцари печатного слова. Там, правда, один Миша Радолицкий и смыслит кое что в технике, а Борис и Валентин... Да вы, ребята, идите к ним. Может, помощь требуется. Я пока чай приготовлю. (Акулов и Петров уходят в другую комнату. К сторожке осторожно подходит человек. Стучится.)

Косенко. Это вы, дедушка Рауцеп? Сейчас открою. (Входит прихрамывающая агент «Испытанный». На лице гримаса боли).

Агент. Прошу великодушно простить, мадмуазель... Заковыка приключилась.

Косенко. Садитесь, пожалуйста.

Агент. Весьма благодарен, мадмуазель. Шел через железнодорожное полотно. Скользко. Оступился.

Косенко. Может быть, сударь, вам нужна помощь?

Агент. Не извольте беспокоиться. Мне только лишь немного посидеть. Боль утихает... И что ж, вы одни здесь проживаете?

Косенко. Это домик железнодорожного сторожа и садовника Рауцепа.

Агент. А вы? Племянница? Родственница его? (Шарит глазами по комнате).

Косенко. Да-а... дальняя родственница. И даже не то, чтобы родственница... Мой отец и дядюшка Рауцеп давние друзья. Вот я и прихожу к нему, помогаю по хозяйству. Сам он дома случается редко— работа такая...

Агент (берет со стола книгу). Вы позволите? «Жизнь и приключения Жиль Бласа». Роман? Понимаю... «Мы все любили понемногу».

Косенко. Пожалуйста, поосторожней... Я с таким трудом достала книгу... Она еле дышит.

Агент. Возьмите, пожалуйста. (Увидев вошедшего Бородаевского). Не это ли ваш дядюшка?

Косенко. Нет. Это мой двоюродный брат.

Бородаевский. Как договорились — сегодня моя очередь читать Бласа, сестренка. (Забирает книгу у агента). Люблю такие сердцещипательные вещи. А вы (к агенту) кто же будете?

Агент. Так-с, прохожий.

Косенко. Иди, Валька, пока не отобрала у тебя книжку, иди, ради бога, в ту комнату, и действуй со своими героями. Понял?

Агент. Кажется, гораздо лучше. (Вновь обшаривает глазами комнату). Да, совсем хорошо. Разрешите, мадмуазель, раскланяться. Спасибо за тепло и уют. (Уходит).

Бородаевский (вбегая). Пупсик, дорогой, ты еще раз доказала, что есть молодчина! (Варя устало опускается на скамейку. Тут же в комнате оказываются Петров, Акулов, Шеболдаев, Радолицкий).

Акулов. Испугалась, Варюш? (Та кивает).

Петров. Он не успел открыть книгу?

Косенко. «Братишка» помешал (*кивает в сторону Бородаевского*).

Шеболдаев. Что за нелегкая занесла этого типа?

Радолицкий. Профессиональный нюх. И, надо отдать должное, очень неплохой. Удивляюсь, как Цыган не вышвырнул его?

Бородаевский. Миха, ты младенец! Я сразу узнал псину по его идиотским усикам. Он явно ничего особенного не заподозрил, а учини я скандал...

Быстро одевайся, Миха!.. Надо проследить, как поведет себя данный сударь.

Петров. Осторожнее, товарищи. Увидит вас, все поймет, если еще не догадался, куда его случай занес.

Идите, мы пока листовкой займемся. Борис, доводи гектограф до рабочего состояния.

Косенко. А я вам для бодрости такой чай приподнесу, лучшего не придумаешь.

Петров. Бочагов и Сысоев просили напечатать два варианта листовок. Для рабочих. И специально для солдат, с учетом их условий и обязанностей. Надо связать с годовщиной «Кровавого воскресенья».

Акулов. Так и начнем: «Братья трудящиеся!..» Да вот возьми. Кое-что я набросал в черне... (*Входят Бородаевский и Радолицкий*).

Бородаевский. Все в порядке, други мои. Пес что-то вынюхивает на вокзале. Наверное, он шел по чьему-то следу, увидел у нас огонек, решил: а ну-ка терем-теремок, кто в тереме живет?

Радолицкий. На этот раз отделались легким испугом. Если он заподозрил что-то, не стал бы терять время... Э-э! Пампуша, наверное, пятаю ватрушку умял!

Шеболдаев. Прошу без преувеличений. Только четвертую пригубил. Стало быть, такая штука, я по принципу: Пампуша слушает да ест.

Косенко (*раздав чашки*). Валера, не обращай внимания на проголодавшихся пустомель. Пишите листовку. Час не ранний.

Петров. «Братья трудящиеся! Девятого января девятьсот пятого года многие сотни рабочих...»

Акулов. Может быть, добавить — питерских?

Петров. «...многие сотни петербургских рабочих поплатились жизнью за то, что верили в доброго царя...».

Затемнение. Авансцена. Освещены лица Сысоева и рабочего.

Сысоев (*читает*. «...и есть единственная партия, которая борется за свержение деспотии. Это партия большевиков. Ленинская партия!.. Ее интересы — интересы народа...»). Возьми-ка, братишка, этих бомбочек побольше да раздай среди своих ребятишек на заводе. А мне в казарму пора. Бывай!

Расходятся. Наплывает звук «Рабочей марсельезы». Высвечиваются лица Бруна и агента «Испытанного».

Брун. «...Рабочим необходимо организовать в большевистскую всемирную социал-демократическую партию и повести решительную борьбу...» Где сие обнаружено?

Агент. На телеграфном столбе возле городской управы, в проходной завода Шмидта, на Мамайском мосту, в типографии Мяснинкина.

Брун. Так кто и где их печатает? Из рабочих? Железнодорожников?.. Не мальчишки же гимназисты занимаются этим, дьявол вас побери?! Тут чувствуется опытная, хорошо законспирированная организация.

Агент. Мне пока ничего неизвестно.

Брун. Ну, об этом нетрудно догадаться и без ваших слов. Усильте наблюдение за приезжими, устройте своих людей в рабочих мастерских, на заводе, в типографии... Как это делается — не мне вас учить. Вы же «Испытанный»!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед открытием занавеса на авансцену выбегают один за другим разносчики газет. Слышится тревожная музыка, тяжелая поступь солдат. Гул. Взрывы — глухо, отдаленно.

Первый разносчик. Германия объявила России войну!..

Второй разносчик. В театре «Модерн» новая премьера с веселым фарсом — «Ночная тревога».

Первый разносчик. Воззвание Верховного главнокомандующего к русскому народу!..

Второй разносчик. Супруга губернатора создала дамский комитет по проводам уходящих на фронт героев!..

Первый разносчик. Государь объявил всеобщую мобилизацию!.. За царя и Отечество!..

Раздвигается занавес. Казарменный двор. Часовой у будки. Слышны команды. Топот марширующих. К изгороди подходит Варя Косенко в крестьянской одежде.

Косенко (*к часовому*). Мне бы передать, дяденька.

Часовой. Не велено.

Косенко. Издалеча я, дядюшку проведать. Аж з Петровского пришла.

Часовой. Не велено.

Косенко. Ды неужто у тебе сердца нема? Столько-то верст протопала! Ты только гукни Ивана Васильча Бочагова.

Часовой. Не велено, барышня. (*Во дворе появляется Кондрат Бондарь*).

Косенко. Батя, солдатику, пидойды, родненький!

Бондарь. Что тебе, девка красна?

Косенко. Бочагова Иван Васильча покличь?

Часовой. Не велено.

Бондарь. Сродственница, иль как? Для жинки молода дюже.

Косенко. Племяшка я. Передачу вот. Пирожки з капустой на сале.

Часовой. Не велено.

Бондарь. Та погодь ты, балаболка. Я сейчас, барышня. А ты часом не с Михайловки?

Косенко. З Петровского я, пешком.

Бондарь. А-а... Я мигом... (*Уходит*).

Рыковский (*он появляется неожиданно, замечает Варю, подходит к часовому*).
Приказ знаешь?

Часовой. Так точно, ваше благородие, денно я ночью зубрю.

Рыковский. Так почему посторонние?

Косенко. Передачу принесла вот. З села я.

Рыковский. Из села? (*Вглядывается*). А не вспоминает ли, мадам, местный парк, весну, компанию гимназистов?

Косенко. Бог з вами, дядечка офицер. Я ж сюды када еще на волах приезжала — ого-го!

Рыковский. Ну-ну, прошу прощения, мадам. (*Уходит. За ворота выходит Бочагов*).

Косенко (*обнимает Бочагова*). Дядечка, Иван!

Бочагов. Здравствуй, племяшка! Иш выросла-то как? (*Отходят в сторонку*).
Здравствуй, Варенька! Что хлопцы?.. :

Косенко. Настроение боевое, Иван Васильевич. Ребята с азартом штампуют листовки, пишут тексты, проводят занятия, спорят целыми днями — благо каникулы. Впрочем, живем, здравствуем... Товарищи заводские предупреждают: охранка усиленно

подсаживает своих в разные места. Могут и у вас иуды объявиться.

Бочагов. Глядим в оба... Прокламации ваши солдатня до дыр зачитала. Ты, дочка, принесла еще?

Косенко. Да, тут десятка полтора под лопухом в корзиночке.

Бочагов. Добре! Давай-ка я их от греха — за пазуху... В сторожке не собираетесь?

Косенко. Как вы советовали — ходят только ночью листовки печатать двое, а один наблюдает поодаль. Если слежка, третий наблюдающий сразу заметит. Мы меняемся.

Бочагов. Молодцы. Жаль, что пришлось занятия прервать по борьбе.

Косенко. Почему прервать? Ребята продолжают тренировки в лесу. Ой, знаете, Шеболдаеву Пампуше достается больше всех. Без очков плохо видит, а в очках неудобно, разбить могут... Да что это я?

Бочагов. Ничего-ничего, мне все интересно. Вот начнут отпускать в город, тогда сам все увижу и услышу.

Косенко. Городской обыватель славит царя-батюшку, клянет немчуру, а мы смотрим и молчим. Ребята нервничают. Особенно Цыган и Радолицкий... Берут на себя самые рискованные задания. Едва городскую управу не сожгли.

Бочагов. Что нервничают — скверно! Не годится это. Передай мой наказ — выдержка! И никаких поджогов! Дело погибнет, и себя загубят. Вот вам — «Война и русская социал-демократия». Ленин написал это как манифест Центрального Комитета РСДРП. Хорошенько вникните. И по ней листовки составьте для солдат, рабочих и селян. Где вы теперь сходитесь?

Косенко. Под видом вечеринок — у Шеболдаева, Петрова, в лесу (*прячет брошюру на дно корзинки*). Да, пирожки заберите.

Бочагов. Добре. Солдатскому пайку подспорье. Но пора расходиться, дочка. Начальство может неладное заподозрить: вчера ко мне родственник приходил, сегодня родственница... Поклон хлопцам. И пусть чай покрепче пьют. Да прокламаций побольше тискают. В них и злость всю вгоняют. Это сейчас наиважнейшее дело — правду людям говорить, глаза на нее незрячим открывать!

Варя быстро скрывается за углом. Бочагов проходит во двор, подсаживается к Михаилу Сысоеву и Кондрату Бондарю.

Сысоев (*продолжая*)... какого ж тебе еще рожна надо? И коровы, и овцы, и земля, и даже работник! Ты и есть форменный буржуй, эксплуататор. А у твоего Емельяна или у меня — кота облезлого в хозяйстве не прописано. Это разве справедливо?

Бондарь. Та то ж я усе своим горбом. Во глянь (*показывает руки*), таки рази у бар? У господина прапорщика?

Сысоев. А погляди на мои руки... Знаешь, что такое болванки чугунные? Таскал их когда-нибудь по десять часов кряду?.. То-то!

Бондарь. А ты за плугом ходыв? Дык вот. Помаешься с зорьки до зорьки и ноги, шо твои болванки.

Бочагов. Знаю, крестьянский труд — каторга... Ладно. Берить, хлопцы, угощайтесь племяшкиными пирожками.

Бондарь. Во, слыхав, шо сказано?.. А он поболе нашего в жизни помыкав... Гарны пирожки, таки Пелагея моя стряпала!

Бочагов. И у пролетариев труд каторжный. А за те гроши, что рабочему хозяин платит на заводе иль фабрике, себя не прокормишь. Как же быть, ежели еще и семья в пять-шесть ртов?.. Так что выходит и впрямь — хрен редьки не слаще.

Бондарь. Я хозяйствовать дюже люблю... Побьем германца, возвернусь в хату, усе налажу. Емелька та Пелагея одни не управлются.

Сысоев. А вдруг не вернешься?

Бондарь. Як так, не возвернусь?

Сысоев. Очень просто. Погонят на передовую. Немец шарахнет из гаубицы, и от нас с тобой только портянки на ветках просыхать останутся. Твоя Пелагея тогда и спросит творца и создателя: за что мой Кондратьюшко голову сложил?

Бондарь. Дык, за шо? Ну за шо?.. За Отечество, за государя нашего...

Бочагов. Да за полторы десятины своей, потом политой землицы и за пятьсот десятин господина прапорщика.

Бондарь. Брехня усе эт, Иван Васильевич, а?

Сысоев. Ты, Кондрат, про газету рабочую слышал когда? Там и написано все, как есть — и про крестьян, и про помещиков.

Бондарь. А дэ ж та газетка?

Сысоев. В парке мне осенью еще кто-то дал. Я прочел, да и оставил на скамейке от греха.

Бочагов. Не то такой, как ты, увидит и подастся до начальства доносить.

Бондарь. Тю! Шо вы у двоих на одного? Та який же я доносчик? Думаешь я не чую, кто по ночам шушукается? Господин прапорщик пытал: кто да кто? Дулю я ему сказав!

Бочагов. А говоришь: побьем германца... Нужно это тебе?

Бондарь. Эх, замордовали вы Кондрата... Був я у Михайловки на пасху, его благородие отпускали... Надивиси. Идут мужики да бабы мимо, голосят. Чего? — спрашиваю. Земство усю скотину заарестовало. За шо? Подати не внесли. Побегли к земству люди, а там конные — шашки наголо... Коли послужу годок-два и мое хозяйство прахом сгинет... Вот и раздумываю: дэ правда?.. Пишов я (*уходит*).

Бочагов. Если такие, как Бондарь, за ум взялись после наших «душевных» бесед да прочитанных прокламаций, — не зря мы с тобой, Михаил, рискуем.

Сысоев. Бить нашего мужика покрепче надо, быстрее политическое сознание к нему привьется.

Бочагов. Рыковский!.. Сейчас придерется...

Рыковский (*подойдя*). Почему не на плацу?

Бочагов. Перекурить сели, ваше благородие. Только с плацу.

Рыковский. Отдых, значит, устроили? Ну-ну. Ваши братья-патриоты без сна и без отдыха на фронте несут службу государю и отечеству, отстаивают священные рубежи...

Появляется Бондарь. В руках его клочок бумажки. Он невидяще идет на прапорщика.

Что такое? Солдат в слезах, как барышня?

Бондарь. Ваше благородие... ваше благородие!..

Рыковский. И это опора России!

Бондарь. Пелагея моя... Ваше благородие, ведь она мне... Пелагеюшка... Преставилась... Вчерась еще... И Емелька вот записку... Ваше благородие, самим богом прошу, отпустите, Христа ради. Поховать Пелагеюшку. Прощенье наипоследнее у нее, мученицы, испросить... Ваше...

Рыковский. Грязная тряпка! Ты забыл, какое сейчас время?!

Бондарь. Самим богом, ваше благородие! Жинка ж она мени любая... Просила, ежели что, землицы жменьку на гроб кинуть. Я бегом обернусь, ваше благородие!.. Туточки рядом — у Михайловку... Не простит мени Пелагеюшка...

Рыковский. Убирайся вон! Кру-у-гом! Шагом арш!

Бондарь (*машинально выполняет команду, делает два шага, оборачивается*). Не доводите до греха, ваше благородие (*голос суровый*). Я усе равно Пелагею схороню! Не доводите до греха, ваше благородие!..

Рыковский. Что? Сбежишь?!.. В карцер! (*Бочагову*). Солдат, вызвать караул!.. Хотя нет, постой, солдат... (*Бондарю*). Как тебя там?

Бондарь (*хмуро*). Бондарь Кондрат, сын Иванов.

Рыковский. Ну-ну, помню, сын Иванов, помню тебя. Вот и охладись здесь на

солнышке, Кондрат. Пстой-ка ты двое суток на посту без смены. А сбежишь, пристрелю тебя, как собаку!

Затемнение. На авансцене Шеболдаев а Петров.

Шеболдаев. Трудовой день, стало быть, окончен. Но вот какая штука, хватит ли прокламаций?

Петров. Хватит, Борис, хватит. Я предусмотрел. Лишние тоже ни к чему — шпикам и жандармам достанутся.

Шеболдаев. Все-таки, хоть и примитивная машина — гектограф, а выручает. Сколько бесполезного времени раньше тратилось на переписку!.. Жаль, невелика наша аудитория.

Петров. Она будет расширяться день ото дня. До свиданья!

Расходятся. Появляются Бородаевский и Радолицкий.

Бородаевский. Как ты думаешь, друже, сколько свечей может заменить пылающая управа?

Радолицкий. Не имею понятия. Но светло будет.

Бородаевский. У тебя исключительно развитое мышление. Ты понял, к чему я завел этот разговор? Давай-ка завтра ночью практически подтвердим теорию? Я поджигаю, ты — помогаешь...

Радолицкий. Цыган, я с детства люблю костры. Готовь керосин.

Оба исчезают. Появляется Акулов, рядом Варя Косенко.

Акулов. Ты только не увлекайся, Варюш. Я всегда, когда мы расстаемся, больше всего за тебя переживаю.

Косенко. Пока что роль крестьянки получалась. Як почну на украинско-кацапской мови балакати... Даже Рыковский счел нужным отступить.

Акулов. Я с тобой пойду. Издали понаблюдаю. Если что...

Косенко. Может, всей компанией проводите?.. Макс, не волнуйся. Кому взбретет в голову подозревать такую затрапезную сельскую дивчину? К тому же, Иван Васильевич дал знать, что часовой сегодня — свой человек.

Акулов. Все-таки волноваться буду... С рассветом примчусь к твоему дому и буду ждать, когда ты откроешь окно ипустишь в комнату солнце. Потом увижу, как ты пройдешь к колодцу, сбивая ногами холодную росу, как будешь смеяться при этом, как начнешь заплетать косу и тихонько что-то петь...

Косенко. Негодный, ты подглядывал?

Акулов. У, какое слово — подглядывал! Смотрел. А если честно — любовался.

Косенко. Не надо, Макс, мне хорошо, но не надо. Мы ведь не на свидании в парке. Давай руку. А теперь иди и ни капельки не волнуйся. И уж ладно, приходи утром, солнце вместе встретим.

Затемнение. Снова казарменный двор, часовой у будки — Кондрат Бондарь.

Фонарь скупо освещает ограду.

Бочагов (*подходя к Бондарю*). Давай, Кондрат, я постою за тебя часок-другой. Ты ж умаялся за сутки.

Бондарь. Ни, Иван Васильевич. Спасыбо тоби. Кода от так стою, злость да тоска чуток улягаются... Яким же дурнем усю жизнь я був, Иван Васильевич. Холопом бессловесным. Жинку у гроб загнав — робы, робы, наживай! А на шо усе сдалось теперя? Пелагея-то на пятом месяце була... Усе прахом, усе!.. Ты иди спать, Иван Васильевич, шоб вины за тобой ни було. Убечь я надумал, и... Стой, кого там сатана несе?

(Приближается Косенко). Чи баба, чи шо воно? Стой же!

Бочагов. Не шуми, Кондрат, это ко мне.

Бондарь. Тю, племяшка твоя? Ночью?

Бочагов. Так нужно, Кондрат. А ну, племяшка, давай твои пирожки... Прапопщик!!

Рыковский *(он появился у ворот неожиданно. Прапорщик навеселе. Замечает Варю. Бочагов успевает спрятаться за будку).* О, мадам... В такой час? Ну-ну... Постой-постой, знакомые все лица.

Косенко. Дяденька офицер! Хоть вы подмогайте. Уси три часа комаров тут кормлю, а он...

Бондарь. Не положено.

Косенко. Ото тилько и знае... А я у тетки ватрушек зробыла.

Рыковский. Весьма и весьма занятно, мадам. Так у вас ватрушки для вашего дяди? Не угостите ли? Ну-ка! *(Вырывает корзинку из рук Вари).* А тут и начинка бумажная! *(Читает.)* «Товарищи! Не верьте лживым обещаниям правительства! Не верьте, что ваша жизнь улучшится после войны! Война нужна толстосумам, душителям свободы!..» Прокламации? Большевичка?! *(Выхватывает пистолет, целится).* На месте, милашка, тебя пристрелить? Нет, с тобой еще кое-кто побеседует. *(Из-за будки на него бросается Бочагов, но его замечает Рыковский и направляет пистолет).* Стой!! А вот тебя-то я и без суда... *(От сильного удара прикладом в спину, перегибается назад. Выстрел приходится поверх головы Бочагова).*

Бондарь. Беги, барышня! Туда, за кустарник! Иван Васильевич, ховайся!.. *(Бочагов скрывается в тени забора).* Ну, собачье ваше благородие! Я ж вам казав, шо брошу жменю землицы на гроб Пелагеи. А кто на тебэ бросить, гад?! *(Размахнувшись, бьет штыком лежащего навзничь прапорщика).* О то ж и я от тэбэ спытав.

Отбрасывает винтовку и убегает в ночь. У казарм невидимых — крики, шум. Сцена затемняется. На авансцене Кондрат Бондарь под конвоем.

Бондарь. Тильки вы, хлопци, сразу шоб. У голову. У дурну мою башку, шоб не мучився. Усю жизнь мучився, не хочу бильше. Пелагеюшку я усе ж проводыв в царство небесное. Вона мини теперь приметь. А я ей кажу: «Бачив я, дорога, який паскудный мир...» Ведить, хлопци... Ворочаться усе одно охоты нема... *(Уходят).*

Казарменный двор, группа солдат. Михаил Сысоев, Бочагов.

Бочагов. ...вспомните, друзья, что и перед японской войной правительство сулило облегчить нашу жизнь, что в девятьсот пятом еще была обещана конституция...

Голоса. Верна, чего там!.. На посулы они горазды!

Бочагов. ... а ее и поныне нету. Семьи погибших так и не получили никаких пособий! *(Голоса одобрения).* А прибавилось ли у вас земли?.. Наоборот, чтобы подать заплатить, вы ее за бесценнок продаете... За что пострадал Кондрат Бондарь? Что жить по-человечески хотел. А разве ты этого не хочешь, а может, вон ты или он?..

Сысоев. И вот чего я вам еще скажу, ребятки. Кто из вас хочет голову на фронте положить? Нет таких? Так на какой же хрен сдалась простому народу эта бойня?! Или немецким крестьянам и рабочим она нужна?.. Братоубийственную войну затеяли правительства — они-то и есть наши наиглавнейшие враги! И это многие уже поняли.

Бочагов. Поняли и борются за то, чтобы не лилась невинная кровушка на войне и слезы ваших матерей, жинок, сестер, дочек. Мне рассказывали, что бабы Благодарного, Безопасного, Александровского вышли на улицы с требованием вернуть их кормильцев с фронтов. Палачи царевы встретили баб и детишек ружейным огнем и шашками! Потому и говорю: долой войну и паразитов-правителей! *(Какой-то солдатик подбегает к Бочагову).*

Солдатик *(лица его зритель не видит).* А как же царь-батюшка? Это ж измена!..

Голос. Эй, шибздик, не надрывайся, пупок развяжется!

Солдатику дают подзатыльник и он исчезает. В толпу летят листовки... Возгласы: «Долой братоубийство!», «Пора домой, к земле!», «Пусть правительства воюют без нас!». В это время со всех сторон на них направляются штыки. Медленно гаснет свет.
На авансцене Брун и агент «Испытанный».

Брун. Что у вас? Докладывайте.

Агент. Установлено: существовала непосредственная связь между гимназистами и бунтовщиками седьмой роты запасного батальона.

Брун. Кто именно из гимназистов?

Агент (*заглянув в бумажку*). Валериан Петров, проживающий по Ольгинской улице, Варвара Косенко, проживает по Полицейскому переулку, Борис Шеболдаев с улицы Романовской и некоторые другие, фамилии которых пока не уточнены.

Брун. Что еще?

Агент. Эти гимназисты часто устраивают под видом вечеринок сходки, на которых обсуждаются вопросы явно политического характера. Названные лица собираются либо в доме Петровых, либо докторши Шеболдаевой. Бывают они с неизвестной целью и в железнодорожной сторожке. Наведенные мной справки утверждают, что никто из гимназистов родственных отношений с владельцем сторожки не имеет.

Брун. Маловато. Гимназисты вольны устраивать вечеринки и бывать, где им вздумается. Но наблюдение рекомендую продолжать. Придется затребовать на названных дела из гимназии... Ступайте, милейший.

Затемнение. Беседка в парке. В ней спиной к зрителям две фигуры: женская и в форме гимназиста мужская. Появляется агент «Испытанный». Подкрадывается. Слушает. Он подошел вплотную. Неожиданно гимназист резко поворачивается и бьет «Испытанного» «под дых».

Бородаевский. Видите, сударь, как небезопасно подслушивать влюбленных. (*«Испытанный», очнувшись, стонет*).

Радолицкий. Ничего-ничего, еще добавим. (*Достает из кармана шпагат, укладывает агента ничком и быстро связывает ему на спине руки*).

Агент. На по...

Бородаевский. Тихо, гад! (*Радолицкому, сбросившему маскировку «гимназистки»*). Мсье, держите пистолет. Ежели данный субъект вздумает еще раз звать на помощь, стреляйте!

Агент. Как вы смеете?.. Я буду жаловаться...

Бородаевский (*снимая толстый ремень*). Пожалуйста, начинайте, мы слушаем. (*Хлещет агента ремнем*). Это тебе за испуг нашего Пупсика! Это — за все остальное!

Агент. Разбо-ойники!..

Бородаевский. Вот как? Тогда послушаем, кто вы. А ну, псина, повторяй за мной: я жалкий жандармский холуй. (*Хлещет агента ремнем*).

Агент. Ох!.. Я буду звать на помощь!

Радолицкий. Может, я разок стрельну в него — пощечочу?

Агент. Я жандармский холуй... Вы ответи... (*Удар ремнем*).

Бородаевский. Минуточку, мы отвлеклись от текста. (*Радолицкий приставляет к затылку агента палец*).

Радолицкий. Вы пропустили слово «жалкий».

Агент. Я жалкий жандармский холуй... Не убивайте!..

Бородаевский. Весьма способная личность, но далеко не вундеркинд (*бьет ремнем*).

Агент. Ох!.. Мы еще встретимся.

Бородаевский. Молодец! Общительная личность... До встречи. (*Хлещет ремнем*.)

Агент (*услышав удаляющиеся шаги*). Помоги-н-те-е!.. На помощь!..

Бородаевский. Хорошо этих ищеек подкармливает охранка. Здорово орет!..

Радолицкий. Ребята узнают, в восторг не придут.

Бородаевский. Э, бог не выдаст, свинья не съест... Я еще зимой, когда эта дрянь в сторожке Пупсика перепугала, дал себе зарок устроить незваному гостю представление в преисподней. Не могу же я бросать слова на ветер?

Радолицкий. Послушай, Цыган, а ты ведь тайно влюблен в Варьку.

Бородаевский (*приостанавливаясь*). Ми-ишенька! Я тебе на правах друга хочу заметить, что «Варька» по отношению к лучшей из лучших звучит крайне грубо. И что очень плохо, когда мужчина не брезгует методами базарной торговли!

Радолицкий. Чего ты полез на стенку? Я-то сказал безо всякого.

Бородаевский. Ладно... Пошли.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сторожка Рауцепа. Акулов и Варя.

Акулов. Вот и на исходе лето красное. Отстучат ходики еще два часа, и мы — в Петроград. Ты — в свой неведомый Тугулук... Вижу тебя: ты сидишь в избушке. Снег за окном хлопьями. Дым из трубы закручивается. На печи бабуся Матрена покряхтывает. Лампа потрескивает. А ты за кургузым столиком над тетрадками. И чай в стакане остывший...

Косенко (в тон). Ага. Горит лучина. Но я не за столом, а за прялкой... Кот играет клубком шерсти. Я свиваю на варежки тебе шерстяную нитку и жалобно пою: «Догорай, гори, моя лучинушка...»

Макс, я буду тебе часто-часто писать. И фотография твоя будет стоять на столике.

Я буду с тобой разговаривать, как сейчас. И попытаюсь даже узнать, что ты ответишь мне. Конечно, не удосужишься признаться, что голодаете, подсчитываете скудные копейки: обед — пятьдесят шесть, кипяток — две, хлеб — сорок, шнурки — восемь...

Акулов. Придется, Варюш, и такими вещами заниматься. Но ехать нужно. Здесь мы остались одни, без связей с опытными подпольщиками. В Петрограде мы свяжемся с большевиками... Жаль, Варюш, ты не с нами.

Косенко. Невозможно, Макс. Я должна, обязана побыть в гуще крестьянской жизни.

Акулов. Что ж, не будем навязывать свои взгляды друг другу.

Косенко. Да, Макс. Тем более, между нами это — бесполезно.

Акулов. Скучать только буду сильно... Каждый день, каждую минуту. Тебя и мне, и нам будет очень не хватать...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,

Я слезы лил, но ты не снизошла.

Ты в синий плащ печально завернулась,

В сырую ночь из дому ты ушла...

Косенко. Блока ты, конечно, прихватил с собой?

Акулов. И Лермонтова, и Маркса, и Либкнехта, и Розу Люксембург...

Бородаевский (*входя со двора вместе с Петровым, Радолицким*). Господа, куда отъезжающие ставят чемоданы? Только осторожно — хрусталь. Фамильные ценности (*небрежно бросает чемодан в угол*).

Радолицкий. Первый раз в жизни мне так удобно (*усаживается на чемодан Бородаевского*).

Бородаевский. Милый Пупсик, вы не надумали влиться в нашу будущую коммуноу?

Акулов. Она не хочет с нами.

Петров. И правильно. Вам самим придется поголодать. В Петрограде тысячи безработных...

Бородаевский. Но я же Цыган! Непременно куда-нибудь пристроюсь за шиш с маслом. И, если шиш величиной с Пампушин, его хватит на всю нашу коммуны.

Шеболдаев (*входя*). Надежды юношей питают, но не до сыта. Я-то, стало быть, устроюсь. В Москве. У двоюродной сестры. Сама позвала. И даже в народный университет Шинявского протеже составила... Миша Радолицкий, возможно, в своем институте добьется стипендии, как особо успевающий студент. Ну, а Максим, а ты Валентин?

Петров. Товарищи, теперь кулаками махать поздно. Мы с Варей остаемся. Я буду заканчивать гимназию. Варя — работать. Как-то сумеем помочь коммунарам. Здесь всем нам оставаться опасно. Слежка идет почти в открытую.

Косенко. Главное, ребята, зря не рискуйте. Не думаю, что в столице шпики менее вездесущи, чем в губернском городишке.

Бородаевский. Ради тебя, Пупсик, мы будем перемещаться по улицам Питера на цыпочках и только с наступлением темноты.

Петров. Довольно, Валентин... Вы знаете, вслед за вами в зарешеченных «теплушках» отправляют на фронт солдат? На перроне в строю Иван Васильевич и Сысоев. Необходимо передать им о вашем отъезде.

Акулов. Они должны знать, кто остается здесь. Связь лучше всего держать через Варюшу — Тугулук вряд ли заинтересует цензуру.

Бородаевский. Благословите меня, непутевого раба божьего, на сей ратный подвиг, и я не пощажу живота своего.

Косенко. Ты слишком обращаешь на себя внимание цыганской шевелюрой.

Бородаевский. О, всемогущий! Почему лишь лица мужского пола обращают на меня внимание? (*Смотрит на Варю с грустью*).

Радолицкий. Только потому, что ты стараешься завоевать симпатии больше с их стороны... Пойду все-таки я (*уходит*).

Бородаевский. Ах, да все равно. Макс, где же песня? Наша?

Шеболдаев. Стало быть, такая штука, угощения на дорогу нет, давайте хоть песней сдобрим прощанье.

Акулов.

Пусть акация доброй лапой
Тихо стукнет в твое окно,
Если вдруг захочется плакать,
Если больно станет одной.

Поздним вечером беспробудным
Пусть тебя не встревожат сны...
До чего же, родная, трудно
В этой белой пурге весны!

В дверях показываются Бочагов, Сысоев, Радолицкий.

Бочагов. Хорошо, хлопцы, поете. Душевно... А мы у ротного за кипяточком отпросились — под честное слово... Вашу задумку одобряю. Вы свое дело здесь сделали. Батальон наш, после всех воззваний да прокламаций ваших, что тебе бочонок пороховой. А вы уезжайте пока.

Сысоев. Да, вам, ребятки, лучше устроиться на Путиловский, поближе к пролетариям. Они в беде не оставят, и дело найдут не хуже здешнего.

Бородаевский. Учтем. Совет кстати.

Бочагов. Так что ж, хлопцы, удачи вам всем!

Косенко. И вам.

Петров. До встречи, товарищи, по нашу сторону баррикад! *(Бочагов и Сысоев уходят).*

Акулов. Встретимся ли? Слишком далеко расходятся наши дороги.

Косенко. По расстоянию — да. По убеждениям мы всегда вместе.

Бородаевский. Да, Пупсик, всегда вместе... Так что ж, други мои замечательные, в путь! В неведомое!

Радолицкий. Пора. Петушок пропел давно.

Петров. Я предлагаю попрощаться здесь. Не следует всем появляться на привокзальной площади.

Косенко. Как все же горька разлука, ребята! *(Подходит к Шеболдаеву, целует его в щеку, потом Радолицкого, Бородаевского).* До свиданья, Валя!

Бородаевский. Пупсик-Варюха, такую награду я должен буду отработать! Счастья тебе, лучшая из нас всех! *(Берет в ладонь ее руку и накрывает сверху другой ладонью).* Пишите, други...

Но, коммунары, носы вверх, чемоданы в руки. Макс, вы тут с Пупсиком уберите чуть-чуть. Место мы тебе займем. На самой длинной полке *(уходят).*

Косенко. До встречи, Макс?

Акулов. До встречи, Варюш! *(Прощаются. Максим идет через комнату к двери).*

Косенко. Макс!

Акулов *(обернувшись).* Что, Варюш?

Косенко. Просто хотелось, чтоб ты обернулся.

Затемнение. В глубине высвечивается Адмиралтейская игла. Луч света падает на лицо Акулова.

Акулов. Здравствуй, Варюш! Коммуна наша живет. Радолицкий уже облечен в звание студента. Пампуша прислал уравновешенное, как и его натура, письмище. С головой — в науке. Говорит, жажда. Чтобы утолить ее, записался на курсы русской литературы и истории. Мол, если участвовать в революции, то чтоб не повторять ошибок других. Нам с Цыганом тоже сидеть сложа руки некогда... Сама понимаешь, чего ищем и добиваемся...

Высвечивается лицо Бородаевского.

Бородаевский. Привет, друже, Валерьянка! Дышишь? Смотри, только чтоб не на ладан. Это я к тому, что от тебя, прилежного педанта, нет писем — не заболел ли?.. Ну, а мы тут живем-поживаем по принципу: волка ноги кормят. Вот-вот устроимся на работу с Максом. Попахивает, кажется, и тем, что связь с нужной «К°» будет налажена... Приходим в нашу конуру поздно. Продрогшие. Усталые, как грузчики— кстати, на этом деле подработали малость. Слава творцу, что он предусмотрел на земле вокзалы... Приходим и валимся на койки с толстенными, чтобы помягче, досками вместо перин, кладем чугунные кубышки на умные книжки и... Вдруг опять утро. Спасибо, други, за присланные кровные ваши с Варюхой купюры! Поддержали зело! Но давай лапу!

Высвечивается лицо Вари Косенко.

Косенко. ...и ты можешь себе представить, вселилась я точно в такую избушку, чуть ли не на курьих ножках, как ты, помнишь, описал. Вот когда я поверила в прозрение поэтов *(шучу)*. А если серьезно, и впрямь — сверчок, старуха, тетради... Вчера выдался скаженный, как в Тугулуке говорят, денек. Не пришли сразу трое на уроки. Оказалось, ребяташкам не во что одеться. И земство наотрез отказалось выделить пособие. А тут еще инспекция выяснила, что никто из учеников понятия не

имеет, как зовут узурпаторов — государя и государыню. Учinen мне скандал по всей строгости!.. Что ж, дети знают только то, чему я их учу. Нужное...

Высвечивается лицо Петрова.

Петров. Коммунары! Рад, что бодрость не покидает вас, хотя предельно ясно понимаю, как вам тяжело среди всего чужого... Да. Воюем и мы, как можем. Варя вам должна сообщить о своих злключениях. У меня всего лишь небольшая нелепица — педсовет вынес решение: дать оценку моему сочинению выпускному — двойку...

Высвечивается лицо Акулова.

Акулов. Что случилось, Варюш? От тебя нет писем целую вечность. Мы все волнуемся...

Высвечивается лицо Шеболдаева.

Шеболдаев. А я, Валериан, уже в Питере... Такая штука получилась — сбежал из Москвы, так как должны были забрить в солдаты... Почему затянулось ваше с Варюхой молчание?..

Высвечивается лицо Радолицкого.

Радолицкий. Валериан! Позавчера на собственной шкуре почувствовал, как сложно делать революцию. Студенты наши устроили манифестацию. Пели «Марсельезу», «Варшавянку», говорили антивоенные речи... Полсотни наших предаются военно-полевому суду, а это семь-восемь лет каторжных работ... Спасибо за кулачную науку Ивану Васильевичу, иначе не миновать бы и мне судьбы тех пятидесяти. Уверен, двум жандармам потребовалась срочная помощь эскулапов... Все мы пытаемся отгадать, почему молчит губерния?

Затемнение. По авансцене под конвоем проходят сначала Валериан Петров, затем Варя Косенко.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет Бруна. Брун и его адъютант.

Брун. Пишите: «Владикавказ. Начальнику Терского областного управления. В дополнение к донесению моему за номером тысяча девятнадцать сообщаю, что мною лично произведен в полночь обыск на квартире гимназиста Валериана Петрова. У коего изъяты бумаги, с несомненностью указывающие на его связь с учительницей Тугулукской земской школы Варварой Николаевной Косенко, также мною лично подвергшейся аресту. Арестованные заключены в одиночные камеры губернской тюрьмы. Дознание продолжаю». Так-с. Следующая секретная депеша. «Начальнику Петроградского охранного отделения. Прошу быстрым порядком произвести обыск по месту проживания — Васильевский остров, Серпуховская улица — Радолицкого, Бородаевского, Шеболдаева, Акулова».

Все. Отправьте немедленно.

Адъютант (*лица его зритель не видит*). Будет исполнено, ваше высокоблагородие...Вашей аудиенции ожидает директор гимназии.

Брун. Зови.

Булычев (*входя*). Позвольте побеспокоить. Николаи Андреевич? Я пришел с некоторым запозданием. Извините, пока отыскивали интересующие вас бумаги...

Брун. Ах, Александр Михайлович, бумаги! Для вас — это гимназические упражнения, тетрадки, в которых вы ищете отклонения от норм грамматики, я же по ним определяю отклонение от норм общественной жизни.

Булычев. Моими стараниями проведена чистка гимназистов, что с несомненностью сказалось...

Брун. Да-да... Чистка, а каким образом, любезный Александр Михайлович, в стенах гимназии оставались Бородаевский, Акулов, Шеболдаев?... Помните таковых?

Булычев. Среди этих бумаг имеются прошения об отчислении их из гимназии в связи со слабым здоровьем и необходимостью перемены климата.

Брун. Ох-хо-хо. Весьма занятно. Перемена климата?

Булычев. Простите, Николай Андреевич, не понимаю вашей иронии.

Брун. И как вы полагаете, какой климат им более по душе? Наш, южный, где бунтарские тенденции не приняли еще широкого размаха? Или северный, Петроградский? Так-то-с, любезный Александр Михайлович. А вы говорите — чистка. Будь вышеупомянутые гимназисты на подозрении еще здесь, нам бы не пришлось спасать общество от их опасных растленных действий.

Булычев. Общество?

Брун. Появление в городе подрывного характера прокламаций и воззваний дело рук, стараний и ума ваших питомцев... Бот школьное сочинение Валериана Петрова. (*Читает.*) «Благодаря чему же общественная организация выродилась в организацию для эксплуататоров?.. Благодаря насилию,— ответит история всякого государства, любой страны... Благодаря обилию штыков и пушек, созданных народным же трудом. И русская история — это история царей, их интриг и войн... О том, как борется народ за свои человеческие права... история, ввиду цензурных соображений, умалчивает...» И это мысли семнадцатилетнего!

Булычев. Валериан Петров очень способный юноша, и нас крайне огорчили эти кощунственные высказывания. За сочинение Петрову выставлена двойка.

Брун. Это вам за безобразное воспитание учащихся следует выставить двойку. Сочинение же Петрова по своей убежденности и зрелости мысли заслуживает пятерки. Преступники свили гнездо под вашим носом!

Булычев. Кто бы мог подумать, что эти молокососы так широко поставят антиправительственное дело! Целая организация!.. Социал-демократы из гимназистов!.. И этот Петров! Из такой почтенной семьи... Родитель удостоен светлобронзовой медали в честь трехсотлетия царского дома.

Брун. Как ни прискорбно, Александр Михайлович, но я вас больше не смею задерживать. Арестованного ко мне. (*Вводят Валериана Петрова.*)

Брун. Давно собирался с вами познакомиться поближе, молодой человек.

Петров. А я, представьте себе, напротив.

Скажите, что все это значит?

Брун. А это значит, как веревочке не виться... Знаете продолжение?

Петров. Я требую объяснения!

Брун. Нет уж, позвольте, здесь мы попросим вас объясниться. (*Перебирает на столе бумаги. Читает.*) «Братья трудящиеся!..» «Отречемся от старого мира...», «Долой ненужную, безумную войну!..» Знакомые песни. Не вы ли их сочинитель? Очень уж мысли тождественны с неким школьным сочинением. Не припоминаете? Жаль-жаль. А какое обилие писем! Вы что же, коллекционируете конверты?.. Петроград, Москва, Тугулук... Шеболдаев, Радолицкий, Коеенко, Бородаевский... Знакомые все лица... И вам, я надеюсь?.. Ах, вы не намерены отвечать. Ну, что ж, присаживайтесь, помолчим.

Петров. Ваши старания, господин подполковник, тщетны. От меня ничего вы не добьетесь даже насилием.

Брун. Полноте, господин Петров, мы же не инквизиция.

Петров. Да, вывеска под эгидой корпуса жандармов у вас теперь иная. Но смена названий не меняет инквизиторскую суть этого учреждения.

Брун. Однако же перейдем от беспредметных разговоров к конкретным... Вам о чем-нибудь говорит имя Варвары Николаевны Косенко?.. Опять молчите?.. В таком

случае (нажимает кнопку звонка. Входит Варя Косенко)...

Косенко. Валериан!

Брун. Вот и отлично! Мне нет необходимости представлять вас друг другу...

Итак, арестованная Косенко, вы признаете себя виновной в том, что состояли в преступной организации, поставившей своей целью — ниспровержение существующего в Российском государстве строя? То есть виновной в тяжком преступлении, предусмотренном первой частью сто двадцать девятой статьи Уголовного уложения?

Косенко. Виновной себя признаю и ничего больше объяснять не желаю! Напрасно тратите время!

Брун. Так-с... М-да. Сколько вам лет?.. Семнадцать?.. В ваши-то годы, с вашей красотой, умом... Поклонники... Цветы... Неужто все это вам чуждо?

Косенко. А в ваши годы не чуждо ли паясничать?

Брун. Зачем же этот тон?.. Просто непостижимо — женщина, и политика. Вода и огонь!.. Знаете, Варвара Николаевна, не могу, абсолютно не могу понять, зачем вам все это?.. Жанна Д'Арк? Да-да, слава заманчива, но печальна и бессмысленна. Согласитесь, совершенно бессмысленна.

Косенко. Борьба за право быть человеком — бессмысленна?!

Брун. У, как громко. Но, извините, пусто. От вашей Жанны Д'Арк остался один пепел, только пустота.

Петров. Мы и пришли заполнить эту пустоту!

Брун. Полно-те, господа революционеры. Вы пришли, но и мы на месте. И не мы перед вами в ответе сейчас, а вы!

Петров. Но это всего лишь вопрос времени.

Брун. Нелепо, господа. Вы в плену иллюзий. Нелепо делать попытки: пробить головой твердыню, имя которой — Российская империя!

Петров. Ветхую твердыню!

Косенко. Основательно расшатанную еще в девятьсот пятом.

Брун. И тем не менее, господа, или как вас? — товарищи социал-демократы, вы стоите перед нашим судом. И мы вынесем вам и иже с вами приговор.

Петров. Ошибаетесь, господин жандарм. Вы только вершите расправу. А наш суд будет — сама история. Она вынесет всем вам свой революционный приговор, не подлежащий никакому обжалованию!..

